Система техник понимания Г. И. Богина

С. В. Чебанов
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

Система техник понимания, разработанная Г. И. Богиным на основании системомыследеятельностной методологии Г. П. Щедровицкого, включает 105 техник, объединенных в 6 групп, предполагая увеличения числа техник и их групп. Такой охват материала представляет несомненный интерес. Однако, существуют и относящиеся к системе проблемы. Среди них 1) недоопределенность понимания техники и отношение техники к методу, приему, способу, подходу и т. д.; 2) гипертрофия роли рациональной рефлексии и обоснованность этого; 3) принижение значения нерациональных путей понимания и скепсис к связанным с ними направлениями мысли; 4) неопределенность границ филологической герменевтики и непроясненность отношения филологической герменевтики к другим разделам герменевтики. Разрешение сформулированных проблем намечает пути развития герменевтики Г. И. Богина.

Ключевые слова: техники понимания, система техник понимания, Г. И. Богин, Г. П. Щедровицкий, системомыследеятельностная методология, рефлексия, филологическая герменевтика

System of understanding techniques by G. I. Bogin by S. V. Chebanov, St. Petersburg State University. The system of understanding techniques developed by G. I. Bogin on the basis of the System-Thinking-Activity approach system research methodology by G. P. Shchedrovitsky includes 105 techniques combined into 6 groups, suggesting an increase in the number of techniques and their groups. Such coverage of the material is of undoubted interest. How-

ever, there are problems related to the system. Among them 1) insufficiently clear understanding of the art and the relations of technology and method, technique, device, approach, etc; 2) hypertrophy of the role of rational reflection and the validity of this attitude; 3) downplaying the value of irrational ways of understanding and skepticism to their associated schools of thought; 4) the uncertainty of the boundaries of philological hermeneutics and unclear attitude of philological hermeneutics to other sections of hermeneutics. The solution of the above issues outlines the development of G. I. Bogin's hermeneutics.

Keywords: understanding techniques, system of understanding techniques, G. I. Bogin, G. P. Shchedrovitsky, system-thinking-activity methodology, reflection, philological hermeneutics.

Постановка задачи

Система техник понимания является важной и интереснейшей частью интеллектуального наследия Г. И. Богина. Судя по тому, что Георгий Исаевич многократно возвращался к этой проблематике более четверти века (с 1975 г. до последних дней жизни), он и сам придавал этой тематике большое значение.

Тем не менее, он не оставил никакого итогового сочинения по этой теме, а вместо этого доступно множество его текстов, содержащих перечни техник понимания. Эти перечни частично пересекаются по набору техник, их наименованию, характеристикам, выделению и именованию групп техник, порядку перечисления техник и их групп.

На первый взгляд, при этом речь идет об одном и том же, хотя присутствуют и некоторые различия характеристик и используемой номенклатуры. Большинство имеющихся вариантов может быть отождествлено, и их наименования могут рассматриваться как синонимы, хотя не всегда можно категорически утверждать, что за этими различиями не стоят какие-то нюансы смысла. В силу сказанного, можно утверждать, что при систематизации

техник понимания Г. И. Богина существуют не только содержательные, но и текстологические проблемы.

Для первого этапа описания этой системы техник понимания (результаты которого и приведены в данной работе) взяты монографии Г. И. Богина [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 15; 20; 23; 24] и один небольшой неопубликованный текст [21], написанный Георгием Исаевичем по просьбе автора в 1996 г. к очередной школе по теоретической биологии «Теоретическая биология и теоретическая экономика» (д/о «Дорожник», Эммаус, Тверь, 31.1—6.2.1996). Для упрощения многократного цитирования этих работ для них введены специальные обозначения, приведенные в библиографии (изданные типографским способом книги — К—К1975, К1977, К1978, К1980, К1982, К1986, К1989, К1993, К1995, упомянутые тезисы — Т1996, и рукопись, изданная на CD — Р2000 и размещенная в Сети — Р2019 — в них есть различия). Помимо этого, техники понимания рассматриваются в многочисленных статьях Георгия Исаевича. Однако в каждой из них рассматривается одна или небольшое число техник (напр. [13; 14, 16—19] и т. д.), так что для предварительного обзора и обсуждения ***системы*** техник понимания статьи во внимание не принимались.

При этом, говоря о понимании (что специально здесь рассматриваться не будет), надо учитывать точку зрения Георгия Исаевича на природу понимания и его связь с рефлексией. В Р2019 утверждается, что «[п]онимание — основная ипостась рефлексии, возникающая в момент фиксации (объективации, превращения в не-самое-себя) рефлексии. Высказанная рефлексия есть интерпретация» [Р2019: 2], причем тезис о том, что интерпретация — высказанная рефлексия, многократно повторяется (этому посвящен и специальный раздел 3 «Интерпретация и рефлексия» [Р2019: 144—149].

Георгий Исаевич выделяет много разных видов рефлексии с неопределенными дистинкциями (ученая, научно-теоретическая, неученая, обыденная, понимающая [Р2019: 8—11]), хотя границы рефлексии как таковой остаются не определены (см., напр., далее о расширенной рефлексии), а понимание, тесно связанное с рефлексией, не сводится к ней, но рассматривается как сложный процесс [Р2019: 25—31].

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о том, что представления Георгия Исаевича о техниках понимания и их системе — часть большого и недоопределенного построения, весьма сложно постигаемого и, возможно, не полностью отделимого от его личности.

Характер исследованного материала

В К1975 специального обсуждения техник понимания нет, однако рассмотрение речевых способностей человека ведется необычным для того времени способом с опорой на очень широкий круг работ — начиная с античных авторов и кончая самыми современными сочинениями как отечественных, так и зарубежных авторов. Не всегда видно как влияют эти источники на основное содержание этой книги, однако совершенно очевидно, как они повлияли на более поздние работы Георгия Исаевича (что могло бы быть предметом специального исследования).

К1977 опубликована под редакцией Г. П. Щедровицкого и выдержана в духе его методологии. Значительное внимание в ней посвящено рассмотрению понимания и непонимания. Перечней и анализа конкретных техник понимания в ней нет. Нет рассмотрения техник и в К1978, а в К1980 формулируются только общие представления об описании интересующих техник.

Собственно система техник представлена тем или иным образом в К1982, К1986, К1989, К1993, К1995, Т1996, Р2000 и

Р2019. За эталон описания при этом можно принять работу Р2019, которая является наиболее обширным и полным с точки зрения описания техник источником.

В К1982 дается эскиз системы техник понимания, однако рассмотрены только некоторые из приведенных в Р2019 техник, и перечислены они в ином порядке. Вместе с тем, создается впечатление, что по крайней мере *проект* системы техник понимания у Георгия Исаевича уже был.

В К1986, К1989, К1993 описаны отдельные техники, но их описания никак специально графически не выделены в тексте, причем в К1986 термин «техники» не используется.

Только К1995, Т1996, Р2000 и Р2019 содержат развернутые списки техник, объединенные в группы. При этом К1995 отличается от Р2019 по порядку групп, их составу и порядку техник в группе и содержит только группы А, Б, В, имеющиеся в Р2019. В Т1996 набор и порядок групп и техник совпадает с Р2019, но часть из них имеет другие названия и характеристики. Р2000 содержит фрагменты системы, представленной в Р2019.

Таким образом, Р2019 может рассматриваться как некоторый итоговый вариант системы техник понимания и, в целом, как итоговый текст Богина по герменевтике. При этом он как текст не вполне завершен, поскольку в нем не взаимоувязаны отдельные фрагменты. Так, вслед за перечнем (с. 17—22) и обсуждением техник (с. 22—23) идет развернутый пример анализа деятельности некого экономиста (с. 23—25), с которым Георгий Исаевич полемизирует по ходу анализа, причем некоторые его замечания оказываются выпадающими из контекста ученого дискурса и стиля фундаментальной монографии. Однако все это становится совершенно понятным, если соотнести (основанием для чего являются и прямые текстуальные совпадения) этот анализ с выступлением Георгия Исаевича на школе «Теоретическая биоло-

гия и теоретическая экономика» в 1996 г. и распознать в этом экономисте Е. Т. Гайдара, деятельность которого тогда еще хорошо помнили все жители Новой России, не говоря о его соратниках, присутствовавших на Школе.

Система техник понимания

В полном виде системы выделяется 105 техник, объединяемых в 6 групп, описание которых приводится в самом кратком виде в публикуемой ныне работе Георгия Исаевича Т1996 ([20]; далее используется нумерация техник, сокращения и обозначения, принятые в этой публикации).

Общие особенности системы техник понимания

Совершенно очевидно, что приводимая система техник понимания (перечень техник и объединение их в группы) является **коллекцией, а не универсумом** [53; 69; 76], т. е. это незамкнутый перечень, не претендующий на исчерпание полноты универсума. Георгий Исаевич многократно подчеркивал это, приглашая к пополнению списка.

В логике приведенного списка можно легко сделать так, чтобы вводимые различения не могли бы вызвать сомнений или колебаний Георгия Исаевича. Так, уточняя технику 28, можно было бы различить представление и концепт. И тогда возникли бы расклеивания представление/концепт и понятие/концепт. Речь идет о концептах в трактовке когнитивных лингвистов. Концептология в таком понимании [42; 51; 83] стала интенсивно развиваться в 1990-е гг., набрав силу к границе тысячелетий, что изменило положение дел как в лингвистике, так и в отношениях лингвистики, философии и логики (а, как следствие, и герменевтики). Однако обсуждать эти процессы с Георгием Исаевичем автору не пришлось. Как следствие, за техникой 59 можно было бы поставить

техники перехода представление>концепт, концепт>представление, понятие>концепт, концепт>понятие.

В связи с этим надо отметить, что предлагаемая система выдержана, конечно, в очень определенных идеологических рамках, хотя это никак не представлено в явном виде, и даже видно намерение сделать ее независимой от каких-либо идеологий. Однако это не обеспечивает свободу от идеологии, а скорее создает неоднозначность понимания сформулированного. Это касается, в частности, шести следующих особенностей системы.

1. Техники из приведенного списка в своем подавляющем большинстве базируются на рациональных способностях человека. Немногими исключениями являются некоторые варианты использования рефлективного мостика (группа Б), обращение к чувствам и эмоциям (техники 77 и 78) и некоторые техники из последней группы Е, охватывающей процессы, связанные с завершением («последействием») понимания (техники 81, 82, 88, 89, 97). Согласиться с этим очень трудно, так как эмоциональный, эмпатический и деятельностно-волевой опыт (ср. [79]) является важным источником понимания (начиная со сбора специфических ноэм — ср. техники 1, 8, 16—19 — и кончая техниками группы Е). При этом Георгий Исаевич, обсуждая поиск герменевтических методов, говорил об интроспекции и эмпатии, что в них «содержалось, хотя и в мистифицированной форме, определенное рациональное зерно» [Р2019: 35]. Таким образом, роль огромных сфер творческой активности ([33; 37; 55; 63; 66] и др.) низводится к каким-то совершенно периферическим для процесса понимания проявлениям человеческой психики. В настоящее время автором совместно с А. В. Колмогоровой готовится большая статья о роли интроспекции в понимании; при этом надо особо обратить внимание на вопрос соотношения рефлексии и интроспекции и ответ на него Георгия Исаевича (см. далее).

Все это позволяет охарактеризовать обсуждаемую систему техник как принципиально рационалистическую и в этом отношении внепсихологичную. При этом виртуозность Георгия Исаевича как филолога не превращала его анализ конкретных текстов в формальное машинообразное приложение сформулированных схем к выбранному иллюстративному материалу, а его человеческая доброжелательность не исключала обсуждения представлений о мире, отличных от его собственных. Примечательно, что некоторые ученики и последователи Георгия Исаевича гораздо радикальнее него в этом вопросе, что было продемонстрировано в докладах и дискуссиях на конференции «Понимание и рефлексия в России» (Тверь, ТвГУ, 29—30.11.2019 — ср. [65]).

На этом фоне возникает вопрос о том, как относиться к нерациональным способам понимания. Так, весь психоанализ — это понимание подсознания, а разные школы психоанализа создают свои техники такого понимания [31; 60]. Как преимущественно подсознательный процесс рассматривает понимание В. В. Налимов [50], работы которого цитируются Георгием Исаевичем. Значительное место бессознательным процессам уделяется в психологической герменевтике [25]. В каждой из указанных областей выявляется множество приемов, которые, казалось бы, можно квалифицировать как техники понимания, однако почему-то это не делается (о возможном ответе на этот вопрос см. далее).

2. В приводимом списке техник понимания много таких, которые основаны на рефлексии, причем, как выясняется при более внимательном обсуждении, рефлексии рациональной (в силу чего данный пункт пересекается с предыдущим). Совершенно не ставя под вопрос созидательный потенциал рефлексии, нужно отметить, что, как представляется, Георгий Исаевич недооценивал ее деструктивную роль, которая следует уже из того, что «Рефлексия является инструментом ***остановки потока жизнедеятельно-***

сти» ([57]; выделение мое — С. Ч.; об этом же в более мягкой форме: [27]). Учитывая приведенную цитату, можно уточнить суть обсуждаемой проблемы: разрушительна (а поэтому нравственно преступна) ***преждевременная*** рациональная (рассудочная) рефлексия — рефлексия, осуществляемая до завершения психического акта (если сам этот акт не является преступным; в последнем случае рефлексия может остановить преступление) или до того, как сформировалось, определилось некоторое ощущение, переживание, чувство (симпатии, неприязни, любви, восхищения, наслаждения и т. д.). В последнем случае сам факт рефлексии будет формировать это ощущение или переживание.

Так или иначе, здесь налицо серьезнейшая дилемма, занимающая центральное место в философии жизни А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона [59]: как пользоваться рациональной рефлексией, которая может, с одной стороны, отсечь заведомо недопустимые действия и решения, а с другой — остановить спонтанный поток жизни, являющийся единственным подлинным источником новизны?

Говоря о рефлексии, надо заметить, что она может быть не только рациональной. Так, в докладе С. Ю. Артёмовой [2] ставился вопрос о тоске по тоске. Это типичный пример эмоциональной рефлексии. Однако, в логике Георгия Исаевича это к рефлексии не относится. Как показала дискуссия на конференции «Понимание и рефлексия в России» (Тверь, ТвГУ, 29-30.11.2019) М. Е. Отставнов не согласен включать такую эмоциональную рефлексию (как и подобные ей эмпатическую или конативную) в состав даже вводимого им представления о расширенной рефлексии. Видимо, будет оспорено включение в ее состав и метание жребия, и дуэль (причем с выбором оружия, которым хуже всего владеют дуэлянты), хотя изначально они привлекались для того,

чтобы облегчить вмешательство Бога как Лица, осуществляющего рефлексию.

В обсуждаемом контексте антиподом рефлексии является интроспекция. Если при разговоре о рефлексии, используется метафора луча, который упирается в интенциональный объект, то интроспекция — это самонаблюдение взглядом скользящим, робким, который никак не должен превратится в упирающийся луч рефлексии. Это хорошо передается излюбленным образом Ф. М. Достоевского — косыми лучами заходящего солнца [34]. Такие лучи позволяют проникнуть во внутренний мир человека и на грани сна и бодрствования. Но таким образом также могут собираться ноэмы, причем, скорее всего, несколько иного типа, чем при рефлексии. Георгий Исаевич кратко обсуждал интроспекцию [Р2019: 64], трактуя ее как вспомогательное средство рефлексии, но не включал ее в число техник интерпретации, настаивая на том, что интроспекция лишь уточняет осуществляемое рефлексией, но не выявляет новых ноэм.

3. Представляется, что две вышерассмотренные особенности системы техник понимания связаны с принятием Георгием Исаевичем системомыследеятельностной методологии (СМД-методологии) Г. П. Щедровицкого [78]. Георгий Исаевич принимает [Р2019: 29] схему трех поясов рефлексии [77], которая предполагает рациональную рефлексию в самых жестких формах. Надо, правда, отметить, что если Г. П. Щедровицкий относился к создаваемым им схемам (квалифицируемым критиками как пересказ Гегеля языком радиосхем) как к жестко прескриптивным (не допуская отклонения от них даже в частном общении по поводу конкретного материала), то Георгий Исаевич, погружаясь в обсуждение конкретного материала, использовал эти схемы скорее как рекомендательные и обращался к ним заметно реже; если Щедровицкий считал большинство людей просто за «человече-

ский материал» и вел себя с ними по-хамски, то Георгий Исаевич боролся за обучение пониманию на всех уровнях образования и был обаятельным собеседником и т. д. Так, он пишет: «рефлектирующий разум ... дает понимающему субъекту возможность ... наполнить обильной возвышенной субстанциальностью ту единственную жизнь, которая дана каждому индивиду. Это достижимо потому, что есть принципиальная возможность ... обучить рефлексии весь состав учебных заведений всех рангов — иначе говоря, весь народ» [24: 144]. Однако и при таких различиях Георгий Исаевич очень высоко ценил Щедровицкого и его работы в области понимания. За все время нашего общения с Георгием Исаевичем у нас возникло единственное расхождение только в оценке деятельности Щедровицкого, и к моей статье [72] еще до ее публикации он относился неодобрительно (не оспаривая ее содержание). При этом, как представляется, Георгий Исаевич не всегда критически принимал некоторые его идеи (например, отождествление Щедровицким отказа от панрационализма с концом Европейской цивилизации).

4. Обсуждаемая система в своих основных чертах была создана в условиях государственного марксизма. При этом Г. П. Щедровицкий никогда не скрывал своего следования марксизму и даже претендовал на его развитие в советское время, и эпатировал публику своим демонстративным марксизмом в постсоветское. Георгий Исаевич воспроизводил марксистские формулы в советское время и обходил эту область в постсоветское (хотя категорически от марксизма не отрекался). Но это накладывало отпечаток на систематизацию техник понимания. Так, именно марксизм мог повлиять на принятие им рационализма как важной составляющей мировоззрения.

При этом складывается впечатление, что Георгий Исаевич намеревался построить систему техник понимания на основе инвен-

таризации того, что существует в разных мировоззрениях и философиях, вычленяя эти техники из них как чисто инструментальные компоненты. Так, еще в советское время он препарировал с этой целью Ансельма Кентерберийского, Фому Аквинского или Ф. Шлейермахера. Тем не менее, например, поста и молитвы в числе техник понимания нет. Видимо, это проявление того же скепсиса по отношению к мистифицированной форме, о котором уже шла речь в п. 1.

Видимо, поэтому же в число техник понимания не попадает множество приемов постижения и понимания, начиная с молчания, представленных в «Добротолюбии» [32]. В этом аспекте очень примечательно, что в ТвГУ работает один из интереснейших исследователей молчания С. В. Крестинский ([43] и др.). Может быть, это тоже желание избежать мистицизма, причем любой природы? Так, в числе техник интерпретации нет буддистских техник, в том числе рассмотренных близким к кругу Щедровицкого А. М. Пятигорским [56]. Вместе с тем, в Тверских герменевтических конференциях принимал участие буддолог А. В. Парибок [54], ученость которого Георгий Исаевич высоко ценил. Тем не менее, буддистские техники (в большой мере именно техники! — см. далее) понимания в список техник понимания Георгий Исаевич не включал. Возможно, это связано с тем, что религиозность не была свойственна Георгию Исаевичу? Несмотря на это, среди его учеников и последователей было и есть довольно много религиозных мыслителей и практикующих верующих разных конфессий и иноверий, деятельность которых была особенно заметна в 1990-е гг. Так или иначе, религиозный дискурс представляет собой развитую интерпретационную практику [62], которая заслуживает внимательного анализа.

Вообще, приходит на память интересное наблюдение. На проводимых Георгием Исаевичем в 1990-е гг. Тверских герменевти-

ческих конференциях собирались представители самых разных дисциплин — кроме филологов и философов, на них были физики, химики, биологи, географы, экономисты, геологи, математики и т. д. — и все они предлагали и обсуждали свои техники понимания. Георгий Исаевич с большим интересом и вниманием относился к этому, но, тем не менее, выявляемые при этом техники не попадали в обсуждаемый список. В чем причина этого?

Возможно, это связано с тем, что Тверские герменевтические конференции были посвящены всем направлениям герменевтики (в том числе, выходящим за пределы науки, рационализма, марксизма, СМД-методологии), в то время как составляемые перечни техник понимания охватывали только техники понимания, принятые в филологической герменевтике, основанной на СМД-методологии. В связи с этим встает значительно более принципиальный вопрос, заслуживающий специального обсуждения.

5. Само словосочетание «техники понимания» является катахрезой, поскольку техника связана с внешним действием, имеющим определенный, в идеале гарантированный, результат, а понимание никогда не предсказуемо и не предопределено. Поэтому техники понимания воспринимались автором (С. Ч.) как некоторая специфическая, вполне необязательная черта интеллектуальной жизни Георгия Исаевича (которые бывают у каждого человека) и никогда с ним не обсуждались (тем более что в центре наших разговоров были проблемы биогерменевтики [81] и природы знаковости [71], а также некоторые педагогические проблемы). Лишь постепенно и непреднамеренно происходило знакомство с техниками и обнаруживалось, что это не совсем техники, из-за чего возникал интерес к ним.

Прежде всего при рассмотрении сводок техник обнаруживается, что это, в первую очередь, называние техники, описание ее сути и иллюстрация ее применения теми или иными примерами.

Однако, *как* реализуется та или иная техника, не описывается, не дается методички для этого. Скажем, не рассказывается, *как* осуществить интендирование (техника 1), *как* осуществлять расклеивание склеиваемого (техники группы B), *как* усмотреть красоту (техника 81) или *как* осуществлять оценку или переоценку прошлого опыта (техника 94). Ситуация с техниками группы 8 вообще парадоксальная, поскольку склеивание видимого (ощущаемого) и осознаваемого рассматривается как универсальный психический [30] и языковой [36, раздел 3.1] феномен. При этом обнаруживается, что умение осуществлять каждое из указанных действий является итогом всей жизни человека (сравнительно короткой у школьника или студента и, возможно, весьма продолжительной у профессора). Вопрос об обучении этим действиям в большой мере выносится за пределы герменевтической проблематики. Отчасти это рассматривается в монографиях и статьях Георгия Исаевича (напр. [16—19]]. Однако, скажем, если в контексте обсуждения интендирования и луча рефлексии рассматривается вопрос о концентрации, то (насколько мне известно) деконцентрация [3] в Тверской герменевтической школе вообще не обсуждается. Скорее, этот вопрос лежит в области психологии и педагогики. Говоря об этом, надо помнить о колоссальном вкладе и самого Георгия Исаевича, и его учеников в развитие педагогики и системы образования (например, в P2019 большое внимание уделяется критике существующей в средней школе и высшем филологическом образовании подмены смыслов содержанием, сведе́ния распредмечивающего понимания к семантизирующему и когнитизирующему; отдельного рассмотрения заслуживает опыт организации герменевтического образования в Твери в 1990-е гг. — от детского сада до докторантуры; ср. обсуждение «рефлектирующего разума» выше).

Но если принять во внимание сказанное, то можно утверждать, что рассматриваемые техники (по крайней мере значительная их часть) — вовсе не техники, а скорее, подходы, приемы, эвристы, эвристики понимания, которые не гарантируют результат, а создают некоторые возможности для его появления. Под эвристами (термин А. П. Сопикова [63]) понимается эвристически ценная идея, которая может быть реализована с помощью разных эвристик (например, эвристу «надо изменить набор интенциональных объектов, которыми оперирует сознание» можно воплотить в эвристиках «пойти погулять», «принять контрастный душ», «искупаться в проруби», «поспать», «прыгнуть с парашютом» и т. д.).

Это элементарное различение техники и не-техники должно было быть очевидно Георгию Исаевичу. Почему же оно не было им осуществлено? Думаю, что это связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, Георгий Исаевич — типичный шестидесятник и как шестидесятник — человек, принявший веру в технический прогресс. В таком случае понятно, что «техника» звучит куда более внушительно, чем прием или эвриста.

Во-вторых, безусловно, Георгий Исаевич не только представитель, но в известной степени и идеолог того, что после знаменитой статьи Р. Харре [70] можно назвать первой когнитивной революцией [75]. Суть этой революции заключается (на основании распространения идей кибернетики, теории информации, теории автоматов, технической семиотики, появления первых компьютеров — ЭВМ) в принятии того, что деятельность искусственного интеллекта должна складываться из набора некоторых элементарных операций, техник. Думаю, что идеи СМД-методологии могли сделать это принятие еще более твердым.

В-третьих, такая терминология, представляя техники как нечто экстрагированное из смысла рассматриваемых текстов, позволяла обсуждать очень широкий круг авторов (включая и упомянутых выдающихся теологов), преодолевая существовавшие тогда идеологические фильтры. Таким образом появлялась сама возможность обсуждения и развития герменевтики (которая радикально противоречила марксизму как наивному реализму) в условиях Советского Союза.

6. При предъявлении ***списков*** техник не подчеркивается, что речь идет о понимании человеком и только человеком, хотя, например, в Р2019 говорится: «понимание — деятельность собственно человеческая, поскольку в основе всей типологии понимания лежит способность пользоваться языком как знаковой системой, что свойственно только человеку» (с. 26). Смысл приведенного высказывания не совсем ясен. Если в нем важно указание на «способность пользоваться ... знаковой системой», то оно просто не справедливо (см., напр., любые выпуски международного журнала «Biosemiotics» — https://www.springer.com/journal/12304), а сам Георгий Исаевич активно участвовал в обсуждении проблем биосемиотики и даже организовывал их.

Если же говорить о языке, то вопрос оказывается значительно сложнее. Если принимать во внимание язык современных высокообразованных людей, то он, конечно, отсутствует у животных и растений, но он не нужен и для многих форм понимания у всех людей. Так, отмечается, что «интерпретативная функция осуществляется в рамках повседневных дискурсов ... через простейшие стереотипные выражения» [44: 98]. При этом стереотипизация оказывается в центре внимания всей когнитивной лингвистики (различение ядра и периферии [61]), а следование конверсационным максимам Г. П. Грайса [29] не только высвечивает, но и формирует стереотипные компоненты речи. При этом во всем

мире наблюдаются определенные тенденции увеличения распространенности умственной отсталости, в частности ее легких форм [48]. В указанной работе, опирающейся на статистические исследования, речь идет о первых процентах умственно отсталых в разных популяциях. Практически работающие психиатры, наркологи и психотерапевты говорят о десятках процентах умственно отсталых в российской глубинке, причем речь идет о такой степени умственной отсталости, при которой пациенты не способны работать даже на фермах. На этом фоне выясняется, что шимпанзе могут достигать уровня языкового развития трех-четырехлетнего ребенка, причем это сопряжено с развитием и неожидаемых у обезьян когнитивных способностей (см. обзор состояния проблемы: [38]). Нужно принять во внимание также и то, что в подобных исследованиях для интерпретации результатов далеко не всегда привлекается представление Я. фон Икскюлля об умвельте — специфическом мире, в котором живет организм в зависимости от его таксономической, групповой и индивидуальной определенности [26]. Привлечение же представлений об умвельте позволяет говорить об умвельтоспецифичных когнитивных способностях, что расширяет их круг у самых разных организмов. С учетом изложенных обстоятельств, согласиться с утверждением о том, что способность пользоваться языком как знаковой системой свойственна только человеку, оказывается невозможным, в связи с чем исчезают ограничения и на рассмотрение техник понимания не у человека.

Так или иначе, представляется, что большая часть перечисленных техник вполне применима к описанию понимания другими живыми организмами, а не только человеком [82], причем как в области того, что относится к сфере экзосемиозиса, связанного с взаимодействием живых организмов друг с другом и окружающей средой, так и эндосемиозиса, охватывающим внутриоргани-

менные и внутриклеточные семиотические процессы [84]. Тем не менее, сама идея описания биологических процессов в категориях техник понимания вызывает у многих гуманитариев если не категорический протест, то оторопь. Для того, чтобы далее разрабатывать обсуждаемую систему, надо в явной форме оговорить сферу ее приложения и обосновать корректность проведения ее границ. При этом, опять же, представляется критическим вопрос о признании или непризнании самой возможности существования нерациональных форм рефлексии и понимания и их психофизиологических субстратах [65: 580—583].

Отмеченные особенности рассматриваемой системы техник понимания обнаруживают ее заметную недоопределенность, что ставит вопрос о выборе дальнейших действий с ней — ее уточнение, расширение, переработку, радикальную переделку и т. д., т. е. осуществление тех или иных способов ее ревизии и развития.

Возможные направления развития

Подытоживая сказанное выше, можно выделить несколько направлений ревизий обсуждаемой системы.

1. Уточнение предмета инвентаризации. Требуется уточнение нескольких совершенно разных вещей:

— О какой герменевтике идет речь — любой герменевтике, филологической герменевтике, какой-то другой герменевтике (юридической, музыкальной, медицинской, биогерменевтике, философской, психологической и т. д.), филологической + каких-то из других, еще какой-то конфигурации указанных и неуказанных герменевтик? Как проводятся границы этих герменевтик?

— Что подлежит инвентаризации в каждой из указанной герменевтик — эвристы, которыми преимущественно являются «техники» понимания Георгия Исаевича (причем обращение к ним

нередко предполагают наличие филологической подготовки, получение ориентировочно предсказуемого результата за счет наличия сходного — филологического — образования, умения отбирать филологически релевантные результаты и т. д.), самые разные психотехнические действия, изменяющие набор интенциональных объектов и порождающие новые ноэмы (сон, использование психоактивных веществ, физические упражнения, экстремальное поведение, включая экстремальные виды спорта — ср. популярность альпинизма среди математиков, и т. д.), состояния, в которых возможен тот или иной вариант понимания (например, состояние сказывания для понимания сказки [64]), конкретные действия, которые предписано осуществить понимающему (например, раскрасить те или иные фрагменты текста [73]) и т. д. (в этом контексте надо особо отметить сам феномен психоделической революции и ее эвристические последствия [85]). Если рассматриваются все из них, то нужна предварительная классификация таких процедур и действий.

2. Уточнение того, для чего и кем осуществляется понимание. Так, если речь идет именно о филологической герменевтике, то важно понимание во всех поясах понимания — семантизирующего, когнитизирующего и распредмечивающего (на чем категорически настаивают филологи — ученики Георгия Исаевича). Наверное, для филологического понимания текста это и важно, однако такое понимание не является единственным. Например, почти любой беллетристический текст может быть источником сведений об обуви и представлять интерес для историка обуви. В таком случае когнитизирующее понимание текста для него будет неактуальным, а распредмечивающее будет выступать прежде всего как переопредмечивание. Точно также, историком физиологии «Братья Карамазовы» могут быть прочитаны с точки зрения понимания «Рефлексов головного мозга» И. М. Сеченова (ср. [4;

80]), и многие аспекты когнитизирующего и распредмечивающего понимания будут ему неинтересны.

Еще более показательным является пример сакральных и богослужебных текстов. Так, можно утверждать, что даже их семантизирующее понимание (взять хотя бы такие примеры как «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко» — Мф, 19, 24, Лука, 18, 25 — что здесь верблюд/канат и игольное ушко / одни из ворот Иерусалима? или эпитет Богородицы «дориносимая»?) до сих пор не осуществлено ни отдельными людьми или какими-либо их группами, ни церквями (о чем свидетельствуют все новые исследования и открытия в области текстологии Библии), что не исключает того, что на протяжении многих столетий она является источником озарений, которые относятся к распредмечивающему пониманию, открывая путь к праведной жизни и спасению души.

Практически неограниченно расширяет трактовку понимания и путей его достижения уликовая парадигма в истории [28]. Она легко распространяется на все реконструирующие дисциплины (археологию, историческую планетологию, историческую геологию, палеонтологию, криминалистику и т. д.), а далее — на познание вообще.

* * *

В зависимости от того, какие ответы будут даны на поставленные вопросы, характер ревизий может быть очень разным. По-разному можно отвечать и на такие вопросы: считать ли контент-анализ (при том, что он обнаруживает такие смыслы, которые специально скрываются в тексте [47]), изучение портрета автора текста [52], обращение с вопросом в чат в Интернете (в прошлые времена — пойти с вопросом на базар) приемами понимания? Так, 15.04.2020 Publon обратился в своей рассылке по электронной почте с предложениями по ускорению информирования о ра-

ботах по коронавирусной инфекции, приглашая высказываться не только специалистов.

О необходимости подобной работы говорит сам Георгий Исаевич: «Техники могут сочетаться самым разнообразным способом, образуя сложнейшую мозаику. Каждую конфигурацию мозаики тоже следовало бы считать за особую технику понимания. Однако изучение этого вопроса скорее всего преждевременно: ведь в приведенном инвентаре — лишь малая часть фактически существующих техник, для описания которых нужно находить какие-то пока еще не известные методологические средства» [Т2019: 22].

Однако описание таких мозаик и представление их как конфигураций техник, выявленных Георгием Исаевичем, может быть непростым.

Так, используемый автором способ понимания значимых текстов включает следующие стадии:

1. Отдать себе отчет в том, что понято из текста или его фрагмента.
2. Опровергнуть содержание понятого.
3. Опровергнуть свое опровержение.
4. Проанализировать полученный остаток.
5. Сопоставить результаты 1—4 и сделать на основании этого заключение о содержании текста.

Для осуществления каждого из этих шагов используются самые разные из описанных Георгием Исаевичем «техник» во всех трех поясах понимания, но суть предлагаемого приема заключается в том, чтобы пройти все эти шаги и сделать итоговое заключение.

Еще более сложным является путешествие как способ понимания страны, чтения текста ее ландшафта [45]. Путешествие в этом статусе выступает как вид перемещений в географическом пространстве (наряду с экспедицией, экскурсией, туристическим

туром, служебной командировкой, паломничеством, военной кампанией, бродяжничеством, шоп-туром и т. д. [39]), при котором формируется самоценный образ страны [35; 40]. В таком случае путешествие можно трактовать как герменевтирование череды мест в полионтике [39; 74]. Это означает, что путешествующий относится к местам, которые он посещает, как к уникальным и неповторимым сущностям. При этом он организует обход таких мест в задуманной им последовательности (череде), которая может отличаться от смежности этих мест в географическом пространстве. В ландшафте такие места представлены урочищами [68]. Последовательность выбранного обхода мест в правильно организованном путешествии подчиняется определенной драматургии со своими экспозицией, кульминацией, разрядкой и т. д. [58]. Состоявшимся же путешествие является тогда, когда ему предшествует подготовка к нему, в результате чего формируется образ страны, надежда на встречу с которым движет путешественником, совершается передвижение по допускающему варьирование маршруту, в ходе которого у путешественника возникают личные переживания ландшафта, а после освоения маршрута остается послевкусие, в процессе переживания которого осуществляется сопоставление трех образов страны.

При этом формирование предварительного образа страны включает в себя как обретения всего жизненного опыта и, возможно, какого-то (около)географического образования, так и целенаправленную подготовку к путешествию (в том числе, знакомство с путеводителями, картами, рассказами лиц, уже побывавших в интересующих местах). В той мере, в которой эта фаза путешествия опирается на вербальные тексты, она будет включать в себя и техники понимания, рассматриваемые в филологической герменевтике.

Во время движения по маршруту также задействованы какие-то техники филологической герменевтики (беседы с попутчиками, местными жителями, чтение путеводителей, местных газет и т. д.), однако, в гораздо большей мере — неартикулированные «техники» понимания, опирающиеся на тактильный (включая ощущение ветра, дождя, снега), визуальный, ольфакторный, вкусовой, проприорецепторный опыт. У автора есть успешный опыт проведения экскурсий по Санкт-Петербургу для австралийских слепоглухонемых, в которых можно было опираться только на тактильные, проприорецепторные, ольфакторные и статико-динамические ощущения и на их основе строить понимание города как текста [22; 46; 67].

Возникающее после путешествия послевкусие формируется благодаря каким-то плохо осознаваемым техникам из группы E. Наконец, с этой же группой E связан и интегративный процесс, соотносящий указанные разнотипные онтические планы, которых оказывается по крайней мере три. Их может быть и больше трех, например, если для путешественника предварительный образ страны включает более одной онтики, или если во время движения по маршруту у него формируется две раздельные онтики — одна, связанная с его спутниками, а вторая — с ландшафтом, по которому существляется путешествие, и т. д.

Поскольку на всех стадиях путешествия важно непосредственное переживание сенсорного опыта, то речь идет именно об онтиках (а не онтологиях) в трактовке М. Хайдеггера [41]. В таком случае к техникам понимания можно добавить еще группу техник, связанных с онтической рефлексией (ср. техники 37, 72, 73, но скорее это будет онтическая интроспекция).

Приводимый пример показывает, что обращение даже к одной практике понимания вызывает затруднение при попытке ее описания через комбинацию техник понимания, выделенных Георги-

ем Исаевичем, и делает актуальным рекомендованное им пополнения перечня таких техник.

Выводы

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что хотя система техник понимания Г. И. Богина является весьма обширным собранием таких техник из самых разных источников, тем не менее, она принципиально недоопределена [49]: не определен список практик и предметных областей, из которых черпаются эти техники, не прояснено, почему откуда-то они не черпаются (например, из медицинской пропедевтики или психоанализа). Число таких областей весьма велико, и некоторые из них весьма нетривиальны (например, восстановление химических свойств по структурным формулам неизвестных веществ, нацеленное на замену их лабораторного изучения пониманием химического текста [1]). Однако, даже если не брать их в рассмотрение, надо очертить границы ***филологической герменевтики***, которые оказываются на текущий момент не определены.

Если же выходить за пределы филологической герменевтики, то разнообразие приемов интерпретации оказывается необозримым. Для того, чтобы хотя бы приблизительно представить себе их многообразие, нужна какая-то, хотя бы предварительная, их группировка, что, судя по всему, пока не сделано.

При этом возникает один весьма значимый вопрос. В настоящее время можно выделить большое число ***групп*** приемов интерпретации в общей герменевтике, скорее всего, надо будет выделять новые группы и в герменевтике филологической.

В связи с этим возникает следующий вопрос. Георгий Исаевич в Т1996 указывает: «в хорошей работе одновременно бывают задействованы по 1—2 техники из каждого разряда» (группы техник А—Е). Но указанные группы резко разноразмерны (от 6 до

26 техник в группе), из чего следует, что техники из разных групп ощутимо неравноценны. Если будут введены новые группы, то значимость техник перераспределится. Можно ли оценить без Георгия Исаевича, каким именно должно быть это перераспределение? Это должно быть 12—18 техник из всех (в том числе новых) групп, или это критическое число техник должно увеличиться пропорционально увеличению числа групп?

Так или иначе, но представляется, что если браться за развитие системы техник понимания, то предстоит большая работа, а изменения системы техник будут весьма значительными как в случае очерчивания более четких границ филологической герменевтики, так и при построении универсального варианта инвентаризации приемов понимания во всех предметных областях.

* * *

Автор выражает благодарность всем, участвовавшим в обсуждении рассматриваемой проблемы, в том числе на конференции «Понимание и рефлексия в России» (30.11.2019, Тверь, ТГУ), и оказавшим помощь в работе над текстом, в частности, А. В. Домашенко, Н. Ф. Крюковой, М. В. Обориной, М. Е. Отставнову, М. Г. Стаценко, Б. Ф. Шифрину.

Литература

1. Авидон В. В., Аролович В. С. Анализ сходства химических структур на основе дескрипторного языка ФКСП // Научн.-техн. информация. 1975. № 5. С. 26—31.

2. Артёмова С. Ю. Жанровое чтение как способ понимания текста (элегии конца XX века) // Понимание и рефлексия в России. Тверь: Тверской государственный университет, 2020 (см. наст. сборник).

3. Бахтияров О. Г. Деконцентрация. Киев: Ника-Киев, 2002. 30 с.

4. Белопольский В. И. Достоевский и позитивизм. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. 74 с.
5. Белянская Л. В. Программа учебной дисциплины «Герменевтика философского текста». Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2014. 18 с. Режим доступа: https://volsu.ru/download.php?id=a5254ce4%20baed%2011e6%208180%2000155db3720d-1.pdf (Дата обращения: 29 апреля 2020 г.)
6. Богин Г. И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин, 1975. — К1975
7. Богин Г. И. Противоречия в процессе формирования речевой способности. Калинин, 1977. — К1977
8. Богин Г. И. Относительная полнота владения вторым языком. Калинин, 1978. — К1978
9. Богин Г. И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980. — К1980
10. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982. — К1982
11. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин, 1986. — К1986
12. Богин Г. И. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин, 1989. — К1989.
13. Богин Г. И. Синонимия как текстовое средство пробуждения рефлексии // Текст как структура. М.: АН СССР, Ин-т языкознания; Твер. сельхоз. ин-т, 1992. С. 89—94.
14. Богин Г. И. Интендирование в процессе понимания // Актуальные проблемы лингвистики и методики обучения иностранным языкам. Тверь: ТГУ, 1992. С. 5—6.
15. Богин Г. И. Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь, 1993. — К1993.

16. Богин Г. И. Индивидуализация как функция средства языка // Функциональная лингвистика: Материалы конф. (Ялта, 24-28 апреля 1994 г.). Ялта: Симферополь, 1994. С. 9—10.
17. Богин Г. И. Интендирование как одна из техник понимания // Вопросы методологии. 1992. № 3—4. 1994. С. 90—104.
18. Богин Г. И. «Улавливание смыслов» на основе мобилизации рефлективности как компонент гибких моделей обучения // Междунар. конф. по русскому языку. М.: МГУ, МАПРЯЛ, 1994. С. 115—116.
19. Богин Г. И. Лжеиндивидуализация и квазичтение // Исследования по художественному тексту: Материалы III Саратовских чтений по художественному тексту (июнь 1994 г.). Саратов: Саратовский государственный университет; Саратовский государственный педагогический университет, 1994. Часть 2. С. 10—13.
20. Богин Г. И. Интерпретация текста. Тверь, 1995. — К1995.
21. Богин Г. И. Техника понимания в деятельности экономиста. Эммаус, 1996 // Понимание и рефлексия в России. Тверь: Тверской государственный университет, 2020 (см. наст. сборник). Т1996.
22. Богин Г. И. Читать город, как читают книгу // Шадринская старина: краеведческий альманах. Вып. 6. Шадринск: Исеть, 1998. С. 231—240.
23. Богин Г. И. Обретение способности понимать. Рукопись. Диск. Р2000
24. Богин Г. И. Обретение способности понимать. https://www.koob.ru/bogin/ Р2019.
25. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 335 с.

26. Бушев С. А. Концепция Umwelt Якоба фон Икскюлля и формирование биосемиотики // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 2. 2008. С. 82—88.
27. Войтюк Д. К. Виды и уровни рефлексии. Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5702. (Дата обращения: 29 апреля 2020 г.).
28. Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. 348 с.
29. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 220—234.
30. Грегори Р. Л. Разумный глаз: Как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях. М.: Мир, 1972. 216 с.
31. Гринсон Р. Р. Техника и практика психоанализа. М.: Когито-Центр, 2003. — 478 с.
32. Добротолюбие: в 5 т. 4-е изд. М.: Сретенский монастырь, 2010.
33. Долгова В. И., Мельник Е. В., Петрова Н. М. Феномен эмпатии в психологических исследованиях // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 31. С. 86—90. Режим доступа: http://e-koncept.ru/2015/95524.htm. (Дата обращения: 29 апреля 2020 г.).
34. Дурылин С. Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Достоевский: Труды Государственной академии художественных наук. Литературная секция. Вып. 3. М.: ГАХН, 1928. С. 163—198.
35. Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 512 с.
36. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: МГУ, 1976. 308 с.

37. Звенигородская М. А. Значимость феномена эмпатии в современном обществе // Молодой ученый. 2019. № 12. С. 244—247. Режим доступа: https://moluch.ru/archive/250/57432/ (дата обращения: 06.04.2020).
38. Зорина З. А., Смирнова А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М.: Языки славянских культур, 2006. 424 с.
39. Каганский В. Л. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001. Вып. 2. С. 3—18.
40. Каринский С. С. Синтез образа места как проблема географического страноведения: дис... канд. геогр. наук: 11.00.02. М., 1990. 172 с.
41. Кошовец О. Б, Фролов И. Э. Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки и возможность построения научно-реализуемой онтологии // Теоретическая экономика: онтологии и этика. М.: Институт экономики РАН, 2013. С. 27—111.
42. Кравченко А. В. Что изучает концептология? В: Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Мат-лы 1-й междун. конф. (5-7 окт. 2011). Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2011. С. 248—251.
43. Крестинский С. В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: Сб. науч. тр. Тверь: ТвГУ, 1993. С. 59—67.
44. Курбатов В. И. Смысловые границы научного дискурса в методологии социального познания // Общество и право. Всероссийский научный журнал. 2007. № 2 (16). С. 94—98.
45. Лавренова О. А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М.: Ин-т Наследия, 2010. 327 с.

46. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург; Тарту: Тартуский госуниверситет, 1984. С. 30—45.
47. Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования. М.: Весь Мир, 1997. 542 с.
48. Михейкина О. В. Эпидемиология умственной отсталости (обзор литературы) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2012. № 3. С. 24—33.
49. Нариньяни А. С. Введение в недоопределенность // Проблемы информатики. 2018. № 3. С. 63—80.
50. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. 288 с.
51. Неретина С. С. Концепт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 306—307.
52. Омиров А. Ш. Влияние портрета автора на понимание текста. Дипломная работа. СПб.: БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, 2010. 141 с.
53. Оскольский А. А. Таксон как онтологическая проблема // Линнеевский сборник. М.: МГУ, 2007. С. 213—260.
54. Парибок А. В., Оленев Д. В. Введение в древнеиндийский органон познания // История философии. М., 2000. № 7. С. 97—131.
55. Поляков С. Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011. 688 с.
56. Пятигорский А. М. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2005. 590 с.
57. Рефлексия как психологический феномен // Бэкмология. 2012. 15 марта. Режим доступа: http://becmology.ru/blog/psychology/reflect_over.htm (Дата обращения: 29 апреля 2020 г.).

58. Родоман Б. Б. Искусство путешествия // Наука о культуре. Итоги и перспективы. Вып. 3. М.: Российская государственная библиотека, 1995. С. 79—88.
59. Румянцева Т. Г. Философия жизни как проект тотальной критики разума // Философия и рациональность в культуре глобализирующегося мира: материалы междунар. науч. конф. (Минск, 22—23 октября 2009 г.). Минск: Изд.центр БГУ, 2009. С. 68—70.
60. Руткевич А. М. Научный статус психоанализа // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 9—14.
61. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
62. Скоробогатова И. В. Богословское мышление как интерпретирующая стратегия (опыт философско-религиоведческой реконструкции) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 157—169.
63. Сопиков А. П. Механизм эмпатии // Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания. Краснодар: [б. и.], 1977. С. 89-96.
64. Сопикова Т. А. Сказка — уродуемое урочище // Социальный кризис и социальная катастрофа: сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 255—259.
65. Технологии мышления: Режимы и процессы мыследеятельности [б. м.]: [б. и.], 2020.
66. Тимофеева М. К. Интроспекция как предмет и как метод лингвистики. Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 2. С. 3—12.
67. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту: изд-во Тартуского ун-та, 1984. С. 3—29.

68. Топоров В. Н. Аптекарский остров как городское урочище // Ноосфера и художественное творчество. М.: Наука, 1991. С. 200—279.
69. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания. СПб.: A-cad, 1994. 408 с.
70. Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. № 2. С. 3—15.
71. Чебанов С. В. Морфологические основания типологии семиотических средств // Понимание и рефлексия. Материалы Третьей Тверской герменевтической конференции. Т. 1. Тверь: ТвГУ, 1995. С. 24—33.
72. Чебанов С. В. Георгий Петрович Щедровицкий. Заметки о деятельности // Собрание сочинений. Т. 3. Вильнюс: VLANI, 2004. С. 416—426.
73. Чебанов С. В. Курс герменевтики в цикле профильных дисциплин при подготовке специалистов по прикладной лингвистике // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2014. Вып. 7. С. 87—96.
74. Чебанов С. В. Жизнь, смерть, деградация и некротизация ландшафта // География и туризм. 2018. № 1. С. 5—32.
75. Чебанов С. В. Судьба математической лингвистики в эпоху второй когнитивной революции // Структурная и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 13. С. 22—44.
76. Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Из истории типологических представлений // Структурная и прикладная лингвистика. 2007. № 7. С. 328—390.
76. Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник. 1986. М., 1987. С. 124—146.

78. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995. 759 с.
79. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001. 733 с.
80. Ярошевский М. Г. Достоевский и идейно-философские искания русских естествоиспытателей // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 103—112.
81. Chebanov S. V. The Role of Hermeneutics in Biology // Sociobiology and Bioeconomics. The Theory of Evolution in Biological and Economic Theory. Berlin; Heidelberg; New York: Springer, 1998. P. 141—172.
82. Chebanov S. V. Interpretation techniques in living organisms // 19th Annual Gathering in Biosemiotics. Moscow: International Society for Biosemiotic studies; Lomonosov Moscow State University, 2019. P. 15—16.
83. Langacker R. W. Concept, image, and symbol. The cognitive basis of grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. x+395 p.
84. Sebeok Th. A. Contributions to the Doctrine of Signs. Bloomington: Indiana University Press, 1976. 271 p.
85. Stevens J. Storming Heaven: LSD and the American Dream. London: William Heinemann, 1988. 396 p.